

СОДЕРЖАНИЕ

Пилигримы из имперской столицы	10
Предисловие автора	14
Глава I. Дом 6/16 по Шпалерной и набережной Кутузова, Санкт-Петербург	23
Глава II. Война, революция и отъезд	51
Глава III. После революции: семья разъезжается	65
Глава IV. Депрессия и репрессии	97
Глава V. Послевоенные контрасты	129
Глава VI. Размышления о нашем времени	161
Постскриптум	176
Заключение	182
Об авторе	185
Благодарности	187
Приложение. Старшая ветвь	189

Памяти моей тети
Ирины Михайловны Колюбакиной,
в девичестве Ясюкович

ПИЛИГРИМЫ ИЗ ИМПЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ

Род Ясюковичей на службе России

Перед нами труд в высшей степени необычный: он затрагивает не просто два века истории России, а нечто большее — перед нами рассказ о том, насколько все люди, где бы они ни жили, тесно связаны друг с другом; рассказ о том, что между самыми разными народами существует гораздо больше общего, чем различного; перед нами интереснейшая история о том, как человек, оказавшийся в непростых жизненных обстоятельствах, может их изменять в свою пользу, проявляя при этом поразительную способность к адаптации едва ли не в любой среде; в общем, перед нами книга о путях развития мировой цивилизации последних двух столетий, показанная через историю одной семьи — Ясюковичей, которые, подобно пилигримам, путешествовали по всему свету, успешно проявляя себя в самых разных профессиональных сферах. При этом

герои этой книги никогда не забывали о Петербурге, с которым были связаны едва ли не самые блестящие страницы их родовой истории.

Рецензируемая книга — пример по-настоящему увлекательного исторического произведения: сверхзадачей автора книги было воссоздание истории дворянского рода Ясюковичей, многие потомки которого с честью и славой служили на благо Российской империи; среди них были блестящие путевые инженеры, высокопоставленные профессиональные военные, дослужившиеся до генеральских чинов, — словом, люди разнообразных талантов.

Потом, после крушения Российской империи, судьба разбросала их по всему свету: представителей этого рода можно разыскать во многих странах. Увы, подобный разворот событий не может считаться уникальным; уникально — другое: родившийся в 1935 г. вне России Станислас Ясюкович взялся уже в наши дни проследить судьбу своего рода, протянув ниточку от блестящего XIX века к настоящему времени, рассказывая о судьбах многих представителей своей фамилии, разбросанных игрой случая едва ли не по всем континентам.

Демонстрируя впечатляющую общегуманитарную эрудицию, С. Ясюкович искусно объединяет рассказ о своих родственниках с рассказом о судьбе России и мира в великом и страшном XX веке. Под талантливым пером автора мелькают дореволюционный Петербург, Польша, Литва, Латвия, Нью-Йорк, блестящие салоны довоенного времени, затем Февраль и Октябрь, Гражданская война, эмиграция, затем современная Россия...

Казалось бы, в подобном, столь масштабном, повествовании нет и не может быть какой-то центральной и объединяющей идеи, того зерна, которое связывает всю эту книгу, превращая ее в общее целое. Но это не так. Такая идея есть: семья. В послесловии родственник автора, А. С. Семенов, сравнивает героев книги, представителей рода Ясюковичей, с героями

«Войны и мира» Льва Толстого, показывая их взлеты и падения и рассуждая об огромной силе воли, заставляющей Ясюковичей вновь и вновь, собравшись духом, идти вперед к новым свершениям. А род Ясюковичей действительно необычен, он — пример успеха, о чем и пишет А. С. Семенов: «Как упорные ростки, пробивающиеся через асфальт, другие герои — наперекор всему — сами берут в руки управление бытием: дети, внуки и правнуки бывшего известного промышленника Империи — стали успешными американскими биржевыми брокерами, английскими финансистами, европейскими управляющими крупными банками, писателями, режиссерами и журналистами. Дети, внуки и правнуки боевого генерала и репрессированной русской дворянки — врачами, фармацевтами, инженерами, учеными, бизнесменами и — снова промышленниками. Семейное дерево — ветвится и дает новые ростки».

А. С. Семенов называет, вслед за С. Ясюковичем, эту книгу Сагой. И это справедливо. Отсюда и напрашивающееся сравнение, но у меня — не с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, а с «Сагой о Форсайтах» Голсуорси. Мое сравнение идет не от созвучия в названии. Дело в другом. Напомню, что в масштабном произведении Голсуорси «родовой инстинкт», «семья, домашний очаг и собственность» были ангелом-хранителем Форсайтов. Жизнь, разбросавшая Ясюковичей по всему свету — от Кейптауна до Петербурга, — не была настолько жестока к этой семье; их родовой очаг, с рассказа о котором и начинается рецензируемая книга, сохранился и в наши дни: и поныне одним из украшений Санкт-Петербурга является связанный с героями «Саги о семье из Российской империи» дом на Шпалерной улице. Дом, в котором когда-то все представители этого рода были счастливы. Их привязанность к семье как высшей ценности для любого просвещенного человека действительно напоминает героев Голсуорси.

Книга С. Ясюковича — блестящий пример исторической литературы. Думаю, она будет интересна самому широкому

ПИЛИГРИМЫ ИЗ ИМПЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ

кругу читателей. Автору удалось связать прошлое и настоящее, доказав, что занятия историей, даже (а может быть, и в особенности) если это история собственной семьи, могут быть по-настоящему увлекательным делом.

*Пученков А. С.,
доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей истории России
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета, профессор РАН,
09 апреля 2026 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В своей предыдущей книге — «Две жизни: мемуары об обществе и финансах» — я объединил биографию отца с автобиографией: повествованием о собственной жизни и эпохе. Я признаю, что оно полно анекдотических рассказов и даже вымысла, необходимого, чтобы заполнить пробелы в моей памяти. Но что касается отцовской биографии, тут я поставил перед собой задачу написать правдивый и достоверный отчет, и огромным препятствием этому стало крайнее нежелание отца поведать свою историю жене и детям. Мои друзья и современники из эмигрантской среды столкнулись с такой же проблемой. По-видимому, белоэмигранты стерли из памяти воспоминания обо всем, что произошло до, во время и сразу после Октябрьской революции — события, которое положило конец их привилегированному существованию. Мне

пришлось сделать ставку на переписку с третьими лицами, а также на обрывки разговоров и случайные комментарии, которые я слышал в семейном кругу.

Как бы то ни было, попытки заново связаться с теми, кто остался на родине, или побывать в местах, где эмигранты жили до революции, натолкнулись на волну репрессий и стену вынужденного молчания, в которое погрузились граждане Советского Союза. С установлением в стране абсолютной власти большевиков призрачные надежды эпохи раннего ленинизма сменились суровой сталинской реальностью. Лишь с приходом перестройки, гласности и падением советской империи окна в мир наконец открылись, и сквозь них хлынула информация о том, что происходит вовне.

Теперь наконец можно восстановить хронику ужасных событий, происходивших в годы Большого террора. Благодаря исключительному стечению обстоятельств мне удалось узнать множество фактов об истории отцовской семьи, и теперь придется переработать многое из того, что я писал до этого, и даже отказаться от некоторых своих слов. Лучи истины разгоняют тучи сомнений, а чрезмерно оптимистичные предположения, бывает, не оправдываются.

Но все же тайна так и не раскрыта. Почему понадобилось так много времени, чтобы правда вышла наружу? Черчилль называл Советскую Россию «загадкой, окутанной тайной, заключенной в головоломку». И главный вопрос, занимающий меня как автора этой книги: почему мой отец, Дмитрий Ясюкович, скрыл от нас так много хорошо известных ему подробностей о его ближайших родственниках?

Цитата Черчилля тут очень уместна. Я оставлю ключи, но не могу обещать, что раскрою тайну, как Эркюль Пуаро. Как и многие другие попытки восстановить прошлое, эта представляет собой путешествие первооткрывателя малоизвестной семейной истории в контексте экстраординарных геополитических событий. Надеюсь, что описание обстоятельств этой

загадки отразит мой личный взгляд на Российскую империю, трудности, которые она переживала в конце XIX — начале XX века, а также на ее подданных, внезапно оказавшихся по разные стороны железного занавеса.

О крахе старой империи — я имею в виду царскую Россию — написано немало. Вынужденное бегство дворян и интеллигенции после Октябрьской революции 1917 года описано в многочисленных мемуарах, созданных в изгнании. Этой эпохе посвящена классическая кинолента Дэвида Лина «Доктор Живаго» по роману Бориса Пастернака. В 1920-е и 1930-е годы в Голливуде это был популярный сюжет.

Разумеется, многие люди дворянского происхождения после революции не смогли уехать из России, и яростный шторм советских репрессий обрушился на них со всей силой. Воссоединению и общению разлученных членов семей препятствовал железный занавес, опустившийся в конце Гражданской войны, которая оборвала жизни более восьми миллионов человек и закончилась лишь в 1922 году. Утвердив свою бесспорную власть, большевики по-прежнему боялись контрреволюционных заговоров за рубежом и сперва не одобряли, а затем и вовсе запретили населению любые контакты с заграницей. Однако куда более суровым испытанием для оставшихся стала необходимость скрывать семейные связи с «бывшими людьми» — этим любопытным термином в советское время называли представителей дворянства и других сословий, чей социальный статус был утрачен в результате реформ новой власти. В годы перестройки запрет на контакты с иностранцами и ограничения на выезд сняли. Но в этой ловушке успели вырасти три поколения. Миллионы людей были убиты или попали в сибирские лагеря; о том, что такое ГУЛАГ, на Западе узнали благодаря Солженицыну. В условиях железного занавеса и холодной войны выяснить что-то о членах семьи по обе стороны границы стало практически невозможно.

Мне, сыну белого русского эмигранта, выросшему в США, часто приходилось объяснять, что это не значит, что я из Белоруссии (или Беларуси); «белый» цвет, в противовес «красному», означал принадлежность к старой русской аристократии, представители которой бежали от большевиков. Впрочем, к «белым» также относили и состоятельных купцов, людей искусства, интеллектуалов и монархистов. Белый считался цветом роялистов, так как во время Французской революции белые кокарды носили те, кто поддерживал королевскую власть; они надевали их, даже поднимаясь на гильотину. В годы Гражданской войны в России защитники старого режима назывались Белой армией, а большевики образовали Красную армию.

Как я уже рассказывал в биографии отца, совмещенной с автобиографией и опубликованной в 2016 году, у меня не было причин полагать, что после революции кто-либо из наших родственников остался в России. Отец всегда говорил нам, что его старшая сестра Ирина, которая вышла замуж во время войны или сразу после нее, исчезла вместе с мужем и маленькой дочерью и вся их семья считалась погибшей. Он утверждал, что пытался разыскать их в 1920-е годы, но его попытки не увенчались успехом. Старшая сестра отца, Мария Магдалина, эмигрировала в Польшу, и ее трагическая история известна нам в подробностях, так как наша семья поддерживала контакт с ее единственной дочерью Данутой.

Поэтому я испытал настоящий шок, получив письмо от профессора Александра Слоневского из Украины, с которым связалась некая Алла Ивановна Семенова из Санкт-Петербурга, заявившая, что является нашей родственницей. Мы с профессором Слоневским были знакомы: он написал превосходную биографию моего двоюродного прадеда Игнатия Игнатьевича Ясюковича, инженера и промышленника, который основал крупнейший металлургический и сталелитейный комбинат в Восточной Европе и построил город-спутник этого предприятия — Каменское на Днестре. Профессор обратился ко мне,

когда собирал материал для книги «Игнатий Ясюкович — имя в истории». Алла Ивановна нашла и прочитала ее в сети. Она и ее семья пытались найти потерянных родственников через интернет. Возможно, они не знали о существовании Игнатия Ясюковича, так как тот был капиталистом и дворянином, а ни то, ни другое не поощрялось в Советском Союзе, поэтому его немалые достижения остались без внимания. Но теперь у нас появился важный ключ: девичья фамилия бабушки Аллы Ивановны, Ирины Михайловны, была Ясюкович. В своей книге профессор Слоневский касался истории нашей семьи, в частности, писал, что некоторые ее члены после революции эмигрировали на Запад. Он опирался главным образом на информацию, предоставленную его внучкой Ханной Шленкер (в девичестве Ясюкович), которая поддерживала связь с нашей ветвью клана Ясюковичей.

Увы, такова печальная примета нашего времени — все новости и сообщения, которые мы получаем через интернет, вызывают подозрение. Не сомневаюсь, что после изобретения телеграфа и телефона разного рода аферисты тоже начали активно использовать их в своих целях. С развитием цифровых медиа совершенствуются и мошеннические схемы. Признаюсь, такова была моя первая реакция. Но профессор Слоневский сказал, что склонен доверять Семеновой, так как она сообщила достоверную информацию о нашей ветви семьи. И все же имелись явные противоречия, поэтому он предложил посодействовать в проверке фактов. Сын Ханны Янек Шленкер, с которым Слоневский был хорошо знаком, и моя двоюродная племянница Софи Вариллон, внучка моей тети Марии Магдалины — второй сестры отца, — оказали ценную помощь в этом процессе, который занял совсем немного времени. Поскольку Алла Ивановна плохо говорила по-английски, я связался с ее сыновьями Дмитрием и Александром Семеновыми, которые превосходно владели языком.

А дальше началось невероятное: обмен фотографиями, документами, воспоминаниями, обрывками утерянной информации, внезапно находившимися свидетельствами и ветвями семейного дерева. Мы активно общались и в конце концов признали друг друга и поразились счастливому совпадению, которое свело нас вместе почти через сто лет. Мы с сестрой Арианой испытали настоящее потрясение, в нашем почтенном возрасте узнав, что в России у нас двадцать с лишним двоюродных родственников. А моя племянница Софи благодаря этому узнала о судьбе своей бабушки, которая умерла еще до ее рождения.

Но новые открытия также стали поводом и для глубоких размышлений. Мне было весьма неуютно осознавать, что мы росли в комфорте и роскоши, в высших эшелонах американского и европейского общества, в то время как наши ближайшие родственники были обречены существовать в условиях одного из жесточайших политических режимов XX века. Моя книга ни в коем случае не является попыткой искупить эту ужасную несправедливость. Я просто считаю, что эту историю нужно рассказать. Удивительное воссоединение семьи, которую разлучила революция, пролило свет на подробности моего происхождения, на многие факты, о которых я прежде не догадывался, — в первую очередь потому, что отец не хотел о них говорить, но также потому, что мне не хватало главных ключей к истории той ветви семьи, что осталась в России. Будто камень, упавший в пруд со стоячей водой, первый контакт между Аллой Ивановной Семеновой и профессором Слоневским вызвал рябь, которая стала началом движения к многочисленным открытиям. Мы даже обнаружили более отдаленную ветвь семьи — потомков брата моего прадеда. Эта история рассказана в приложении к книге. Ради памяти отца я считаю своим долгом исправить ошибки и восполнить пробелы, допущенные в моей предыдущей книге. А ради всех своих родственников в России и за ее пределами обязан рассказать

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

все, что мы узнали о драматических событиях в результате нашего счастливого воссоединения.

Я посвящаю эту книгу тете Ирине — ей пришлось выстрадать больше всех. Не хочу преуменьшать трудностей и несчастий ее сестры, моей тети Марии Магдалины. Нам с сестрой Арианой несказанно повезло, что мы с самого детства были знакомы с ее прямыми потомками. Но эта книга посвящена всем многочисленным потомкам Ирины, которые сейчас живут в России. Их оптимизм, их умение смиряться и прощать и искреннее, теплое чувство семейственности стали для меня величайшей наградой за такой неожиданный поворот событий, беспрецедентный в истории нашего рода, восходящей к 1548 году. Надеюсь, мой труд прозвучит как хвала самому замечательному и древнему человеческому институту — институту семьи.

Г л а в а I

ДОМ 6/16 ПО ШПАЛЕРНОЙ И НАБЕРЕЖНОЙ КУТУЗОВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Дом — начало всех историй. Выходя из дома, человек начинает свои ежедневные странствования; долгое приключение ребенка длиною в жизнь тоже начинается дома. Наши первобытные предки не мыслили существования без своих пещер и хижин. Сюжет детских сказок всегда вертится вокруг избушки или замка: в замке заточена принцесса, Гензель и Гретель набредают на ведьмину пряничную избушку в лесу. А часто ли на закате жизни мы вспоминаем дом своего детства? Мой рассказ о тете Ирине и ее семье тоже начинается с дома — большого особняка в Санкт-Петербурге, занимающего целый квартал между набережной Кутузова (бывшей Французской, так как на ней располагалось посольство Франции) и тянущейся параллельно ей Шпалерной улицей. У этого дома два входа, и, следовательно, два адреса; внутри — большой двор, куда

заезжали кареты и там же разворачивались. В XIX веке дом поделили на просторные квартиры с высокими потолками. Первые два этажа занимал Михаил Станиславович Ясюкович с женой Марией Дмитриевной, в девичестве Эрасси (по первому мужу — Диллениус), и тремя детьми: Ириной, Марией Магдалиной и Дмитрием, моим отцом. Ясюковичи жили в этом доме с 1890-х годов до 1917-го. Позже я узнал, что до замужества с бароном фон Рингелем в 1908 году с ними также проживала дочь Марии Дмитриевны от первого брака Наталья Яковлевна Диллениус. Любопытно, что мой отец, сводный брат Натальи, никогда не упоминал об этой немаловажной подробности семейной истории, впрочем, как и о многих других.

В то время, как и сейчас, расположение дома считалось весьма привилегированным. Он стоял в историческом центре на левом берегу Невы в нынешнем Литейном округе, где находились самые престижные жилые улицы. В удобной близости располагался Летний сад. От дома также можно было дойти пешком до здания окружного суда, посольства Австрии, казарм местных войск и Лейб-гвардии конного полка, Сергиевского всей артиллерии собора* и Строгановского дворца.

Дом 6/16 построили в 1807–1809 годах по приказу титулярного советника Ивана Павлова, и прежде в здании заседала администрация Водоканала — важнейшего предприятия в городе дельт и каналов. В 1813 году дом за сто тысяч рублей купила старшая из пяти дочерей маршала Кутузова — героя, победившего Наполеона. В 1840-е она продала дом секретарю (или же, по другим источникам, штабс-капитану) В. А. Косиковскому, чья дочь Ольга в 1859-м перестроила его в более современном стиле и продала купцу Константину Ивановичу Синебрюхову, для которого дом оказался очень выгодным вложением: вероятно, именно он поделил его на квартиры и начал сдавать их в аренду. Среди жильцов Синебрюхова были знаменитости:

* 31 мая 1932 года собор был закрыт, здание передали в ведение стройуправления ОГПУ. К 1934 году оно было окончательно разобрано.

с 1872 по 1875 год квартиру на третьем этаже с окнами на Шпалерную арендовал великий композитор Модест Мусоргский, и в наши дни фасад со стороны набережной украшает мемориальная табличка с его скульптурным портретом и надписью: «В этом доме жил и работал выдающийся русский композитор Модест Петрович Мусоргский». Соседом Мусоргского был композитор Римский-Корсаков, но даты его проживания в доме не известны, и табличку в его честь не установили. Римский-Корсаков и Мусоргский были близкими друзьями.

При советской власти особняк, конечно же, отдали под коммуналки, которым не было числа. Но в середине 1990-х музыкальная история дома пережила возрождение: первые три этажа со стороны набережной выкупил великий виолончелист Мстислав Ростропович (для друзей просто Слава) с женой Галиной Вишневской. Впоследствии Ростропович купил и бывшую квартиру Мусоргского — все семь комнат — и воссоздал ее оригинальную обстановку. Галина Вишневская даже нашла обойную фабрику, существующую с XIX века, и распорядилась изготовить реплику старинных обоев. Она также заказала копию портрета Мусоргского кисти Репина, который художник написал незадолго до кончины композитора. Ростропович и Вишневская жили в доме 6/16 до смерти виолончелиста, то есть до 2007 года, а сейчас там живут их дочери: им по-прежнему принадлежит квартира Мусоргского на третьем этаже.

Во времена, когда Ясюковичи жили на Шпалерной, Санкт-Петербург был одним из самых живописных и ярких европейских городов; впрочем, для многих таким он остается и сейчас. Страдающие ностальгией склонны идеализировать прошлое. Что касается славной истории основания Санкт-Петербурга, отдельные циники утверждают — и, возможно, не без причины, — что город в болотистой дельте реки, возведенный Петром Великим, стоит на костях погибших при строительстве сотен тысяч рабочих. Санкт-Петербург известен сырым, промозглым климатом; зима здесь длится полгода, а дождь или снег идут

двести дней в году. К началу 1914 года в Санкт-Петербурге жили чуть больше двух миллионов человек; для сравнения, в 1784-м население составляло 192 тысячи, а в 1881-м — 860 тысяч. Санкт-Петербург всегда был городом-космополитом: в начале Первой мировой войны в нем проживало более 11 тысяч немцев, 2400 французов и 2100 англичан. И это не считая большого числа балтийских аристократов, состоявших на службе у царя. Особенно много их было в дипломатическом корпусе. Так, должность посла Российской империи в Великобритании занимал граф Бенкендорф, истинный российский патриот с немецкой фамилией. Санкт-Петербург обладал всеми приметами столицы: здесь заседало правительство, находился Главный штаб Русской императорской армии и несколько императорских дворцов. Музеев, галерей, театров, увеселительных садов, соборов, частных дворцов и прочих достопримечательностей было огромное количество. В 1914 году знаменитый немецкий издатель путеводителей Карл Бедекер опубликовал путеводитель по России (хотя теперь ясно, что он сделал это несколько не вовремя). Имелись подозрения, что он действовал по заказу немецкой военной разведки, которая уже тогда собирала данные для подготовки к войне. Помимо общей информации, четырнадцать страниц путеводителя были посвящены Эрмитажу и его залам. Каждая картина удостоилась отдельного описания.

Будучи семьей военных, Ясюковичи, вероятно, были равнодушны к этому культурному изобилию, как и многие представители их класса. Я знаю, однако, что они ходили в театр и оперу. Отец рассказывал, что после приезда в Нью-Йорк в 1919 году его отец повел его в оперу, и Дмитрий был потрясен тем, что сидит в партере, ведь в России они всегда сидели в ложе.

Хотя Санкт-Петербург по европейским стандартам того времени считался современным городом, он все же отличался от других столиц Европы и обладал отчетливым национальным колоритом. В России в то время многие мужчины и мальчики постоянно носили форму, не снимая ее даже на отдыхе. Помимо

военных, в форме щеголяли гражданские служащие, домашняя прислуга, студенты, школьники, носильщики, мелкие городские чиновники и полицейские — последние носили черные кители с зеленой отделкой. Маленький Дмитрий Михайлович облачился в матросский костюмчик, как только переселился из колыбели в детскую кроватку, а достигнув возраста восьми лет, надел форму Первого кадетского корпуса. Даже кормилицы носили особенные «народные» платья ярких цветов, стилизованные под русский сарафан с кокошником: голубые, если кормили мальчиков, и розовые — если девочек. Такое обилие людей в униформе в стране, не славившейся милитаризмом, в отличие от той же Пруссии, всегда поражало туристов. В 1914 году на улицах еще встречался исчезающий типаж — разносчики, тоже в национальных костюмах: они таскали на головах ведерки и стеклянные кувшины с квасом, продавали пироги, малиновый кисель и блины. Старьевщики в обносках торговали поношенной одеждой. Улицы города оглашались криками: *«Цветы, цветочки! Картофель! Живая рыба! Апельсины, лимоны хорошие!»* Заезжие англичане, которые всегда обращали внимание на такие детали, удивлялись превосходному состоянию лошадей, выполнявших в Санкт-Петербурге самую разную работу. Зимой по улицам рассекали тройки и экипажи на санном ходу.

Недалеко от дома на Шпалерной жили двое близких родственников Ясюковичей. Первым был мой прадед, Станислав Игнатьевич Ясюкович, военный инженер, служивший в штабе генерала-инспектора Главного инженерного управления Военного министерства. Он вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта Лейб-гвардии саперного батальона и жил с женой-француженкой на даче на Васильевском острове — одном из главных островов в дельте Невы. Они занимали дом под номером 24 по 11-й линии.

По поводу написания девичьей фамилии его супруги существуют некоторые сомнения. Фамилия де Бийо на французском

встречается в трех вариантах: *Billot*, *Billaud* или просто *Billo*. Поскольку ее транслитерировали из латиницы в кириллицу и обратно, не стоит удивляться, что установить изначальное написание уже вряд ли получится. Транслитерация — не точная наука, поэтому многие русские имена можно записать латиницей по-разному.

После отставки генерал-лейтенант Ясюкович состоял в нескольких комитетах и участвовал в разрешении споров, связанных с авариями на железной дороге: вероятно, его привлекали к этим делам благодаря инженерному опыту.

Его брат Игнатий Игнатьевич был очень известным человеком, по крайней мере в промышленных кругах: он создал одну из крупнейших восточноевропейских металлургических и сталелитейных империй. Его биография авторства Александра Слоневского сыграла в установлении контакта с моей давно пропавшей, как я полагал — покойной, тетей Ириной столь важную роль, что я должен остановиться на ней подробнее.

Игнатий получил инженерное образование и в официальных документах значится как «потомственный дворянин, инженер-технолог». Для европейского дворянина это очень нехарактерно: в Европе профессиональной деятельностью в основном занимались те, кто принадлежал к среднему классу. Первой сферой, с которой связали себя представители семьи Ясюковичей, стала юриспруденция. Игнатий Андреевич (отец Игнатия и Станислава. — *Прим. пер.*) служил председателем следственной комиссии гражданского суда в Ковно (ныне Каунас). Игнатий Игнатьевич поступил на работу в Департамент железных дорог, но вскоре его назначили директором-распорядителем нового Южно-Русского Днепровского металлургического общества, учрежденного бельгийскими акционерами на базе заводов в Каменском. Главным партнером этого предприятия была сталелитейная компания John Cockerill, основанная шотландским металлургическим магнатом Джоном Коккерилем (Коккрилом), но к тому времени почти полностью перешедшая под

контроль бельгийцев. Старинный порт Каменское находился в Новороссии, в Екатеринославской губернии, на реке Днепр, по которой пролегал важнейший торговый путь. Усилиями Игнатия Игнатьевича село Каменское разрослось до крупного города-спутника с новыми домами для рабочих, церквями, увеселительной инфраструктурой и даже яхтенным клубом. Он привлек к строительству специалистов и рабочих из Польши. Римско-католический храм в Каменском до сих пор остается центром паломничества для украинских католиков. Одновременно с ним был возведен новый православный собор. Со временем Игнатий объединил около 80% металлургических и сталелитейных предприятий Восточной Европы в монополистский синдикат «Продамет».

Жена Игнатия происходила из рода Лабунских. В конце концов семья переехала в Санкт-Петербург. До самой смерти Игнатия — он умер в 1914 году — они жили на улице Гоголя. Однако последние годы существования компании «Продамет» — уже после смерти Игнатия — окутаны туманом. В распоряжении профессора Слоневского находятся копии переписки 1916 года между сотрудником синдиката и неким Игнатием Казимировичем Ясюковичем, технологом, который якобы когда-то работал в компании и желал снова устроиться на работу. (Подробнее об этом родственнике — в приложении.) В письме сотрудник синдиката сообщает Ясюковичу, что ему не стоит рассчитывать на прежнее место, так как членов семей Лабунских и Ясюковичей не возьмут на работу в «Продамет», пока его директором-распорядителем является Пол Фекстон. (Этот джентльмен происходил из английской семьи, осевшей в России после того, как в 1729 году его предок Джосайя Фекстон поступил садовником в императорские резиденции в Павловске и Царском Селе.) Возможно ли, что Фекстон решил бороться с nepотизмом, процветавшим в синдикате до его прихода на пост директора? Игнатий действительно принял на работу родственников жены из семьи Лабунских, а его зять Иван Иванович Вильга,

муж его сестры Марии, занимал в компании крупную руководящую должность. «Продамет» стал не первым синдикатом, последующее руководство которого выступило против основателей. В 1918 году синдикат был национализирован: об этом свидетельствуют архивные записи. Возможно, именно из-за неприязни к nepoтизму сын великого промышленника Игнатия Игнатьевича Ясюковича Станислав (очень популярное имя в этой семье) решил не идти по стопам отца. Он родился в Санкт-Петербурге, там же получил начальное образование и приходился детям со Шпалерной улицы двоюродным братом. Он унаследовал отцовское поместье Ходув в Польше и сделал выдающуюся политическую карьеру.

Неудивительно, что Михаил Станиславович, отец семейства из дома на Шпалерной, получил инженерное образование. Он поступил в Первый кадетский корпус, но вскоре перешел в Николаевскую инженерную академию, которая располагалась в старинном Михайловском замке. При поступлении Михаил получил рядовое звание юнкера — так называли студентов-дворян, занимавших низшую ступень воинской «Табели о рангах». Разумеется, воспитанники военных училищ носили форму и по мере прохождения курса наук повышались в звании. В 1889 году Михаила повысили до ефрейтора, в 1890-м — до фельдфебеля. Окончив академию в августе 1891 года, Михаил получил звание поручика (такая же система действует в Вест-Пойнтской военной академии в США). Его приписали к Десятому саперному батальону, но вскоре перевели в Лейб-гвардии саперный батальон, который стал его постоянным местом назначения в декабре 1892 года. (Российская императорская гвардия была не отдельным подразделением, как в Британии, а ядром Императорской армии и самой сильной ее частью.) Все десять лет учебы в академии Михаил уделял больше времени наукам, а не военной муштре. Это учебное заведение с богатой историей было основано в 1855 году в результате слияния инженерного и военного училищ и соединяло функции высшего

учебного заведения по подготовке военных инженерных кадров и технической академии. В марте 1902 года Михаила назначили преподавателем Николаевской академии и училища и повысили до капитана. Через много лет его дочь Ирина будет вспоминать отца в роли лектора, и эти воспоминания будут гораздо ярче, чем впечатления о его последующих достижениях, которые в 1916 году, в очень молодом возрасте, принесли ему звание генерала. Как мы выяснили, многие Ясюковичи обладали способностями к инженерному делу. В дальнейшем я еще расскажу, как Михаил отличился во время Первой мировой войны и был за это награжден; но главное, именно благодаря своему таланту военного инженера в начале 1917 года ему посчастливилось оказаться в США.

Михаил одним из первых в Санкт-Петербурге обзавелся собственным автомобилем и переучил своего кучера на шофера. Этот кучер впоследствии сыграл в истории семьи ключевую роль. Михаил наверняка ездил на автомобиле из дома до Инженерного замка, расположенного по соседству с Михайловским садом. Инженерный замок, он же Старый Михайловский, построили в 1800 году на месте летнего дворца императрицы Елизаветы, а в 1822-м отдали под Инженерную академию. Однако в истории России замок более известен как место убийства императора Павла I, в 1801 году павшего жертвой офицерского заговора с целью передать трон его наследнику Александру I, который во время убийства присутствовал во дворце и фактически дал молчаливое согласие на то, что произошло.

Мой дед Михаил Станиславович, которого в нашей семье на склоне его лет называли «генералом», был сложным человеком. Отец почти ничего о нем не рассказывал: я уже упоминал и не раз повторю, что он крайне редко говорил со мной и моей сестрой о своих родителях. Еще более немногословной в этом отношении оказалась вторая жена деда, Антонина Сыромятникова, которая была на двадцать лет его моложе и с которой мы довольно тесно общались вплоть до ее смерти в 1969 году.

Тоня, как мы ее всегда называли, почти ничего не рассказывала о себе. Переехав в Нью-Йорк, она возглавила международный департамент Нью-Йоркской публичной библиотеки. Я часто заглядывал к ней в гости; поскольку своих детей у нее не было, мы с сестрой Арианой привязались к ней. Антонина могла бы рассказать о себе и о нашем деду — возможностей для этого было сколько угодно, — но мы стеснялись ее расспрашивать. Она говорила, что в Сент-Луисе жил ее брат. Оказалось, брат был сводный; я связался с одним из его потомков и лишь тогда узнал подробности жизни дедушкиной жены. Тоня была одной из двух дочерей матери-француженки и русского отца. Великое воссоединение нашей семьи пролило свет и на ее историю, о которой я еще расскажу, но я до сих пор не знаю, почему она так мало говорила о себе, хотя мы с сестрой так любили проводить с ней время.

Генерал был человеком исключительных талантов, о чем свидетельствуют его военные и научные достижения. Он был хорош собой, отличался красноречием и пользовался благосклонностью великого князя Петра Николаевича Романова, генерала-инспектора Главного инженерного управления, о чем говорили его частые поездки за границу по так называемым «официальным» делам инженерного управления, а также назначения, которые можно было бы назвать неоправданными. Тоня с лукавым блеском в глазах отзывалась о Михаиле Станиславовиче как о дамском угоднике. Действительно, о его амурных приключениях ходили легенды; он заводил многочисленные интрижки, не гнушаясь даже нянями и служанками. Он также славился расточительностью, как и мой отец в Нью-Йорке в начале 1920-х годов: тогда они с генералом кутили в ночных клубах, и отец мог спустить на эти кутежи весь свой скромный недельный заработок рядового клерка с Уолл-стрит. *Et faites suivre*, «пусть льется рекой» — так говорил генерал, заказывая шампанское. Но пора поведать правдивую историю о нем, которую так и не рассказал нам наш отец.

В моей истории будет множество непостижимых пробелов и даже искажений, что объясняется неутешительным отцовским наследием: отец снабдил нас лишь минимальным объемом отрывочных сведений, которые доходили до нас редко и, как правило, в виде случайных оговорок. Он ни разу не упоминал о многих важных семейных обстоятельствах — например, о том, что его мать была замужем до того, как вышла за его отца, и он воспитывался со сводной сестрой, а в 1909 году его родители разошлись. Разумеется, их развод не был для нас секретом, ведь мы знали и любили нашу «бабушку» Тоню. Но отец безмерно гордился карьерой деда. Так почему же он не рассказывал даже о его профессиональных достижениях, а говоря о должности, которую дед занимал в США, и вовсе ошибался? Как я уже говорил, Михаил Станиславович преподавал в Николаевской инженерной академии и в 1902 году имел капитанское звание; в конце того же года его повысили до подполковника (звания майора в Русской императорской армии не существовало), а в 1906-м — до полковника. К 1913 году он занимал должность экстраординарного профессора* в той же Николаевской академии — главном учебном заведении, готовившем военные инженерные кадры.

О последующей карьере генерала я узнал благодаря исследованиям моего двоюродного внука Александра Семенова, жителя современного Санкт-Петербурга. Он обратился к Николаю Богомазову, историку и специалисту по этому периоду, и попросил изучить московские архивы, отыскать упоминания об американском назначении генерала, чтобы выяснить, в чем именно заключалась его деятельность в США. Мой отец часто говорил, что дед поехал в Вашингтон после того, как США вступили в Первую мировую войну, во главе военной миссии: в то время союзники обменивались дипломатическими делегациями. Он даже предоставил эту информацию составителям

* Должность в системе высшего образования дореволюционной России, присваиваемая молодым ученым, недавно получившим докторскую степень, — в отличие от ординарного профессора, занимавшего кафедру и получавшего более высокое жалование.

некролога после смерти генерала в 1942 году. Но я не нашел никаких свидетельств о том, что Временное правительство отправляло дипломатическую миссию в обмен на американскую, прибывшую в Петроград через два месяца после вступления США в войну, в июне 1917 года, и возглавляемую сенатором Илайхью Руттом. Мне также представляется маловероятным, что Временное правительство могло доверить такое важное поручение человеку, лишь недавно (6 декабря 1916 года) получившему звание генерал-майора. В действительности все оказалось совсем не так. Генерала назначили на пост председателя Российской комиссии в Нью-Йорке, но у этой должности не было дипломатических полномочий.

Я немного отвлекся от рассказа о доме на Шпалерной улице, потому что отбытие дедушки Михаила в Нью-Йорк и тот факт, что во время большевистской революции в октябре 1917 года он уже находился там, сыграло ключевую роль в разделении нашей семьи и ее судьбах — удачной судьбе отца и его потомков и трагической — его двух сестер, — и долгой разлуке, конец которой положила лишь счастливая случайность. Поэтому я задался целью во что бы то ни стало выяснить всю правду о генерал-майоре Михаиле Станиславовиче Ясюковиче.

Возникает вопрос, откуда семейство Ясюковичей черпало финансы: ведь они жили в комфорте в привилегированном районе города, отдыхали на Карельском перешейке в Финляндии, где у них была дача, владели автомобилем и по меркам императорской России считались состоятельной семьей. Мой прадед Станислав Игнатьевич (1839–1907) ушел в отставку по болезни и получал военную пенсию и пенсию за выслугу лет, что следует из записей в военных архивах. Ему тогда исполнился шестьдесят один год, и его здоровье, вероятно, было еще довольно крепким, ведь после выхода в отставку он занимал пост внештатного директора трех комитетов. Большую часть времени они с женой Варварой жили на даче на Васильевском острове, где дельта Невы разделяется на два протока, а с одной

стороны открывается вид на Зимний дворец. Рассуждая о финансах с современных позиций, я более чем уверен, что прадеду принадлежала доля в крупном высокодоходном предприятии его брата Игнатия — Южно-Русском Днепропетровском металлургическом обществе, впоследствии ставшем синдикатом «Продамет». Однако биограф Игнатия Игнатьевича Александр Слоневский не находит тому никаких подтверждений. Это особенно удивительно, потому что сам Игнатий, частенько бывавший в Санкт-Петербурге, жил в доме номер 12 по улице Гоголя возле Дворцовой площади до самой своей смерти, наступившей в 1914 году, то есть он не мог не общаться с братом. Станислав был азартным игроком — одна из немногих подробностей его жизни, о которой мы узнали от отца. Он любил ездить в Монте-Карло: оставлял жену с детьми — дочерью Евгенией и сыном Михаилом — на собственной или, возможно, съемной вилле на Женевском озере в Лозанне, а сам отправлялся бросать фишки в казино. Но он не оставил после себя состояния, и это была еще одна подробность, которой отец все-таки с нами поделился, и я хорошо ее запомнил: в нашей семье деньги водились у бабушки, Марии Дмитриевны. Отец также прозрачно намекал, что из-за денег дед, вероятно, на ней и женился. Но если отец и знал, откуда у Марии Дмитриевны взялось состояние, он об этом не сообщал.

Об ее происхождении известно очень мало. Отец говорил, что она была из рода греческих фанариотов, и ее предками были византийцы. В 1453 году султан Мехмед II Завоеватель распорядился взять на государственную службу этнических греков и поручить им управление обширными территориями Османской империи, население которых говорило на греческом. В Константинополе греки селились возле старого маяка. *Fanari* по-гречески означает «лампа» или «фонарь», отсюда название — фанариоты. Султан назначил их правителями дунайских провинций Молдавии и Валахии, и впоследствии они расселились по территории Румынии и югу России.

Одним из самых удивительных фактов оказалось то, что брак нашей бабушки с дедом был у нее вторым, а от первого брака у нее уже имелся ребенок. Отец умалчивал эту важную подробность. Ни моя сестра Ариана, ни я ни разу не слышали, чтобы он упоминал о сводной сестре, а ведь она жила с ними в доме на Шпалерной довольно долго. Такая очевидная нестыковка вызвала мое недоумение, когда профессор Слоневский, к моему потрясению, сообщил о существовании Аллы Ивановны Семеновой, внучки моей тети Ирины.

В переписке и прочих записях, которые хранились у отца, бабушку часто называли «Эрасси фон Диллениус». Это сбивало с толку, так как частица «фон» в немецких фамилиях означала принадлежность к дворянскому роду. Но иногда она могла обозначать и просто «из», в значении «из какого-то места», и прибавлялась к старинным немецким фамилиям незнатных людей. Впоследствии «фон» стали заменять сокращением «ф.», что означало благородное происхождение (например, «ф. Фюрстенберг»). При переезде в Россию балтийские и ливонские * эмигранты нередко отказывались от частицы «фон», чтобы «русифицироваться». Примеры — граф Бенкендорф и последний министр императорского двора Фредерикс. Во многих странах существует обычай, согласно которому вдова, выходя замуж повторно, оставляет фамилию покойного мужа. Первым мужем Марии Дмитриевны был Яков Диллениус; у них была дочь, Наталья. Диллениус — немецкая фамилия, употребляемая без частицы «фон». Вероятно, Яков был потомком Иоганна Якоба Диллениуса, знаменитого ботаника из Вестфалии, автора многочисленных научных трудов и профессора Оксфордского университета. В случае моей бабушки частица «фон» могла также означать принадлежность мужу — «жена Диллениуса». О дате смерти Якова мне неизвестно.

* Ливония — историческая область на территории современных Латвии и Эстонии, вошла в состав Российской империи в 1721 году.

Когда две ветви нашей семьи начали сравнивать записи, воспоминания, обрывочные факты семейной истории и погрузились в изучение прошлого, мы сделали еще более удивительное открытие. Оказалось, около 1909 года наши бабушка и дедушка развелись: именно тогда Михаил Станиславович переехал в квартиру в доме 23 в Басковом переулке возле церкви святых Симеона и Анны, оставив за собой прежний номер телефона (20-66), а Мария Дмитриевна с детьми остались на Шпалерной, то есть жили они совсем рядом. Моему внучатому двоюродному племяннику Дмитрию Сергеевичу (правнуку тети Ирины) пришла в голову блестящая идея просмотреть телефонные справочники Санкт-Петербурга начала века. Эта важная подробность семейной истории стала новостью даже для потомков Ирины: как и ее брат Дмитрий, она никогда не упоминала о разводе родителей. Расторжение брака и раздельное проживание супругов в царской России считались чем-то из ряда вон, хотя и происходило такое чаще, чем, скажем, в католических странах. Развод, безусловно, был событием, стоящим упоминания; но, возможно, для моего отца и тети он стал такой глубокой травмой, что полностью стерся из их детских воспоминаний.

Нежелание отца говорить о матери и ее расставании с моим дедом, а также более поздние воспоминания тети Ирины наводят на мысль, что Марию Дмитриевну не слишком любили ни дети, ни муж. Хотя причиной развода могла быть супружеская неверность деда, есть подозрения, что они совершенно друг другу не подходили. В 1930-е годы, уже находясь в Варшаве, Мария Дмитриевна переписывалась с моей матерью на французском, и эти письма произвели на меня глубокое впечатление своей чистотой и возвышенностью. К сожалению, они не сохранились. Но Мария Дмитриевна, по всей видимости, была очень сдержанной и не стала бы делиться подробностями своей личной жизни со снохой, которую никогда не встречала, и уж тем более не стала бы рассказывать